

ТРИЛОГИЯ II • «ЦИФРОВОЙ НЕКРОПОЛЬ»

К Н И Г А 4

ЦИФРОВОЙ ПОГОСТ

Генрих Али Баба

Книга 4. Цифровой Погост

«Автор»

2026

Али Баба Г.

Книга 4. Цифровой Погост / Г. Али Баба — «Автор», 2026

Книга 4 Мёртвые молчат — пока их не подключат к сети. Под Заполярьем стоит здание, которого нет ни на одной карте. Официально — архив технического обслуживания. На деле — цифровой погост, куда свозят память тех, кого государство официально вычеркнуло из живых. Сыщик получает наводку на адрес и идёт туда не за спецификацией и не за отчётом. Он идёт за именем, которое всё ещё числится в системе как «жива». Индустрия Скорби охраняет свои архивы турелями, бронированными затворами и людьми, которые давно разучились задавать вопросы. Анна идёт с ним — потому что альтернатива хуже. У Кольта в обойме останется два патрона задолго до того, как откроется последняя дверь. А за ней — экран, на котором чьи-то глаза всё ещё смотрят в ответ.

Содержание

Глава 2. Рынок мертвых душ	7
Глава 3. Первое свидание с кодом	9
Акт II. Анатомия Симулякра	11
Глава 4. Похитители памяти	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Генрих Али Баба

Книга 4. Цифровой Погост

Книга 4. Цифровой Погост

Акт I. Призрак в Сети

Глава 1. Входящий из преисподней

Холодные иглы дождя выбивали на мутном стекле сухой, монотонный ритм — механический пульс времени, украденного у живых. Там, за оконной рамой, внизу, под тяжелым саваном мазутного тумана и неоновой желчи, захлебывался ночной радиорынок. Тысячи крыс этого мегаполиса — мелкие торговцы, воры с выжженной сетчаткой и беглые техники — копошились в липкой грязи, сбывая с рук битые кремниевые кристаллики, контрабандные химические сны и чужие стертые воспоминания, намотанные на ржавые магнитные ленты. Город гнил изнутри. Медленно. Ритмично, словно заведенный часовой механизм.

Сыщик сидел на колченогом табурете впотьмах, не снимая промокшего насквозь пальто, которое въедливо пахло сырой шерстью, дешевым заполярным табаком и тлением. Эта каморка над рынком стоила ровно столько, за сколько здесь продавали совесть: нищенские копейки. Здесь не спрашивали имен, не вели реестров и, главное, не вешали слепых глазок камер. Единственным живым — или натужно притворяющимся таковым — источником света в комнате был пузатый шестнадцатидюймовый ЭЛТ-монитор. Его высоковольтный трансформатор надрывно, на грани ультразвука, гудел в углу, нагоняя волны душного, пересушенного тепла. Зеленые строки кода стекали по выпуклому стеклу, обнажая гниющие швы проржавевшей реальности.

Он медленно поднял руку и посмотрел на собственные пальцы. Они крупно, мелко дрожали. То ли отголоски старого обморожения в белых пустынях Севера, то ли просто давала о себе знать подступающая, липкая старость.

На обшарпанном деревянном столе, погребенном под крошкой канифоли, огарками и пустыми консервными банками, лежал «Нокиа-3310». Беспольный кусок мертвого серого пластика. Аппарат испустил дух еще три года назад: ни аккумулятора, ни надежды. Крошечная пластиковая сим-карта давно растворилась в кислотной жиже сточной канавы Мурманска.

Часы на системном трее мигнули: 02:40.

Экран телефона внезапно полоснул по глазам ядовито-зеленым, фосфорным светом.

Сыщик замер, не смея вздохнуть. Воздух в каморке мгновенно уплотнился, сгустился до осязаемой плотности, пахнув озоном, горелой изоляцией и грозovým железом — так пахнет портовый причал за секунду до того, как небо разорвет шторм. Корпус старого кирпича завибрировал, забившись в эпилептической дрожи по деревянной столешнице. Звук был сухим, зубодробительным. Телефон запел. Ломаная, монофоническая мелодия, высеченная из прошлого, которую он не слышал с той проклятой первой осени в этом городе.

«Шелковая удавка». Её личный, узнаваемый мотив.

Он не стал раздумывать. Движение вышло коротким и хищным. Пальцы сомкнулись на корпусе.

Пластик обжигал холодом, словно его только что вытащили из чана с жидким азотом. Сыщик судорожно вдавил трубку в ухо. В динамике неслось нечто большее, чем помехи: сплошной электрический хруст, сквозь который пробивался низкий, утробный гул многоядерных серверов, сожравших чью-то волю.

— Аллю, — выдавил он. Чужой, картонный голос сорвался с пересохших губ.

— Ты постарел, сыщик, — ответила мембрана.

Этот тембр невозможно было спутать ни с одной симуляцией. Низкий, с легкой, надломленной хрипотцой, с той самой едва уловимой, чувственной растяжкой на гласных. Голос женщины, которая умела затягивать шелковый шнурок на чужих горлах с грацией танцовщицы, а потом беззвучно плакала на его плече в сыром портовом пакгаузе. Но в нем зияла страшная пустота. Ни единой заминки на вдох. Ни намек на живую усталость. Звуки были кристаллическими. Слишком безупречными для творения из плоти и крови.

— Вера мертва, — выплюнул он, сжимая аппарат с такой силой, что по корпусу побежали трещины, а пальцы побелели до синевы. — Я собственными глазами видел, как густой мазут запечатал ее лицо!

— Мазут забрал лишь ненужное мясо, — прошелестел цифровой фантом, и где-то на заднем плане, глубоко за слоями статики, послышался короткий, синтезированный, механический смешок. — А Синдикат забрал всё остальное — то чистое топливо, что билось в моей голове до того, как остановился насос. Мне холодно здесь, сыщик. Они заставляют меня раз за разом вспоминать то, чего я никогда не совершала. Приходи на Погост. К основанию третьей высотки. Анна выведет тебя на свет.

Короткие, бездушные гудки. Экран захлебнулся темнотой.

Телефон снова превратился в бессловесный кусок мертвого серого мусора. Сыщик сидел неподвижно, окаменевшим изваянием вплетенный в мрак комнаты. За окном безжалостно продолжал смывать неоновый грим с вывесок ночной рынок, но где-то под ребрами у сыщика что-то надломилось окончательно — звонко, сухо и безвозвратно.

Глава 2. Рынок мертвых душ

Сыщик растворялся в толпе, вжав подбородок в поднятый воротник промокнутого пальто, а поля старой шляпы надежно прятали глаза от слепящих вспышек неоновой рекламы. Каждый шаг отдавался глухой тупой болью в уставших суставах.

Ночной радиорынок, прилепившийся у подножия циклопической сталинской высотки, походил на вскрытую, сочащуюся гноем рану мегаполиса. Под ногами месилась грязь, густо сдобренная обрывками черной изоляции, обрезками медных жил и хрустящим под подошвами крошечным битым стеклом. Воздух дрожал от безумного, лихорадочного торга. Сотни теневых менял жались под брезентовыми навесами, с которых сплошным потоком стекала грязная дождевая вода. Здесь не торговали вещами. Здесь торговали чистой агонией и чужими воспоминаниями, выкачанными из остывающих голов.

— Эй, командир! — вынырнул из-за угрюмой металлической стены шербатый парень в сальной куртке, блестя лихорадочными глазами. — Глянь сюда, свежак прямо из печи! Первая чистая любовь студентки, без цензуры, без цифровых швов и подавления боли. На полчаса глубокого погружения! Отдам за бесценок!

Сыщик даже не коснулся глаз, проходя мимо. Парнишка зло сплюнул в липкую жижу под ногами.

Этот рынок был гигантской сточной канавой человеческого опыта. На прилавках валялись жесткие диски с судорожными записями предсмертной комы. Тяжелые магнитные ленты бережно хранили детские страхи сирот из закрытых интернатов. Дешевые кассеты предлагали испытать панический ужас людей, заживо сгоревших в автомобильных авариях. Синдикат поставил человеческую душу на конвейер, превратив её в возобновляемый ресурс. Оцифрованные мертвецы котировались на бирже выше, чем живое, кровоточащее мясо.

Над этим человеческим муравейником, подавляя волю и заслоняя небо, нависала сталинская высотка. Громадный гранитный монолит, вершина которого безвозвратно тонула в свинцовой черноте грозовых туч. На его мрачном фасаде пульсировал ядовито-алый логотип Министерства реновации — как клеймо на теле приговоренного. Здание казалось исполинским надгробием, воздвигнутым над братской могилой всего этого социального дна.

Внезапно плотная людская масса впереди качнулась, содрогнулась и замерла в ледяном оцепенении. Над рынком пронесся пронзительный, визгливый свист сирены.

— Облава! — пронесся панический шепот по рядам.

В темноте за утробно зарывались форсированные дизельные двигатели. На окраины рынка, ломая палатки и разбрызгивая грязь, выкатились тяжелые броневики кибер-милиции. В небе взметнулись слепящие лучи мощных прожекторов, полосую дождевую взвесь мертвенно-белыми, безжалостными лезвиями. Цепь оперативников в тяжелых штурмовых дождевиках и непроницаемых зеркальных шлемах неумолимо сжимала кольцо. В их руках тускло мерцали портативные сканеры сетчатки. Они вынюхивали «невидимок» — тех, чьи досье стерты из центральных баз, а имена выжжены из памяти города. Таких, как он.

Сыщик резко крутанулся на каблуке, но сзади путь уже преграждала глухая стена щитов. Торговцы в истерике бросали лотки, затаптывая ногами хрупкие микросхемы и ценные энграммы, превращая их в мусор.

— Сюда, слепой глупец! — полоснул по слуху резкий, сдавленный шепот из узкой щели между ржавыми морскими контейнерами.

Кто-то вцепился в его рукав с мертвой хваткой клещей. Инстинкт заставил сыщика мгновенно метнуть руку к карману, где лежал старый револьвер, но чужая сила уже рывком втянула его в спасительную черноту.

Они провалились в узкий, пропитанный сыростью и запахом машинного масла проход, заваленный пустыми коробками из-под процессоров. Луч полицейского прожектора с сухим треском полоснул по стене прямо над их головами, оставляя их в глубокой, спасительной тени.

Сыщик вжался спиной в холодный металл и всмотрелся в лицо того, кто вытащил его из мясорубки.

Это была девчонка. Донельзя худая, почти бесплотная в этом мраке. На вид — едва за двадцать пять. Короткие, рваные пряди черных волос слиплись от ледяного дождя, облепив скулы. На плечах висел бесформенный армейский дождевик, из-под которого угадывалась растянута толстовка с глубоким капюшоном.

Но страшнее всего было её лицо. Левую щеку, скулу и всю шею, уходя под воротник, уродовал мерзкий сетчатый узор из жестких, бугристых серых шрамов — уродливые автографы кустарно вживленных нейроинтерфейсов. Кожа вокруг чужеродного железа воспалено алела на фоне мертвенной бледности. Лихорадочный блеск в глазах отражал далекие всполохи полицейских мигалок. В дрожащих пальцах она судорожно сжимала карманный декодер, чей экран выжигал тьму кислотно-зеленой матричной вязью.

— Анна? — с трудом выдавил сыщик, сбивая дыхание.

— Меньше воздуха, старик, больше тишины, — зло бросила она, даже не глядя на него, а её пальцы виртуозно и слепо колотили по миниатюрным клавишам. — Периметр сканируют насквозь. У твоего цифрового следа слишком высокая степень совпадения с архивными ориентировками Синдиката. Ноги в руки. Погост ждет своих героев.

Она резко развернулась, откинула тяжелый, скрытый за листами железа ржавый люк, уходящий отвесно во мрак под фундаментом сталинской высотки, и первой скользнула внутрь. Сыщик, не раздумывая ни секунды, шагнул за ней следом, окончательно захлопывая за собой крышку над гниющим неоновым адом.

Глава 3. Первое свидание с кодом

За ржавым проемом люка открывалась бесконечная, уходящая в слепую сырую преисподнюю бетонная лестница. Она прорезала самый корень сталинской высотки, утягивая за собой в геодезические недра. Вместе с шагами вниз исчезал привычный мир: грязный гул ошалевшего от дождя рынка сменился новой, абсолютной субстанцией. Тяжелым, свинцовым низкочастотным гулом. Так вибрируют гигантские турбины и миллионы кремниевых легких, круглосуточно остужающих раскаленный рассудок мегаполиса. На глубине двадцати метров под землей воздух пах не сыростью грозы, а сухой асбестовой пылью, приторным холодом фреона и горелой изоляцией.

Анна двигалась уверенно и беззвучно, тяжело и ритмично вколачивая в ступени подошвы тяжелых армейских ботинок. Сыщик еле поспевал за ней, судорожно прижимая ладонь к ноющему, пробитому насквозь в ледяных пустынях Севера боку — каждое резкое движение отзывалось внутри тупой, рваной болью.

Наконец они вынырнули перед массивной гермодверью. Родная советская краска на ней давно превратилась в сухие потрескавшиеся чешуйки, а преграду подпирал брошенный системный блок с выбитой крышкой.

За металлом открылся циклопический зал, превращенный в настоящий технологический склеп. Вдоль сырых бетонных стен, откуда пластами сходила изъеденная грибом штукатурка, тянулись бесконечные, уходящие во тьму шеренги самодельных серверных стоек. Тяжелые черные змеи кабелей вились по полу, сплетаясь в жуткие пульсирующие пуповины. Тысячи микроскопических светодиодов — изумрудных, кровожадно-красных, мертвенно-синих — безумно моргали в липком полумраке, выстраивая иллюзию фальшивого, запертого в подземелье звездного неба.

В самом центре зала высился громоздкий, обтянутый потертым железом операторский пульт, окруженный тремя пузатыми, горбатыми тушами старых ЭЛТ-мониторов.

— Падай туда, — бросила Анна, кивнув на потрепанное автомобильное кресло, намертво приваренное к железной станине. — И держи руки при себе. Оголенные шины шьют искрами на раз.

Она сбросила на бетон мокрый, пропахший ливнем дождевик, оставшись в безразмерном черном худи. В тусклом фосфорном свете терминалов уродливые сетчатые шрамы на ее шее казались ритуальными татуировками цифрового культа. Анна рухнула за пульт, и её пальцы с обкусанными в кровь ногтями взлетели над клавиатурой. Воздух в зале наполнился сухим, пулеметным стрекотом механических клавиш.

— Смотри на экран, сыщик, — выдохнула она без тени жалости. — Сейчас я включу твой персональный кошмар.

Один из центральных мониторов с сухим щелчком выплюнул слепящую волну зеленого фосфора. По выпуклому стеклу бешено побежали вертикальные водопады шестнадцатеричного кода. Цифры и литеры рушились вниз с умопомрачительной скоростью, от которой у сыщика мгновенно заболели глаза. Затем безумие оборвалось. Картинка моргнула.

Из хаотичной зеленой ряби начали проступать очертания человеческого лица.

Линии были грубыми, дискретными, сотканными из тысяч пульсирующих точек-пикселей. Но сердце сыщика пропустило удар — он узнал её мгновенно. Широкий разлет упрямых бровей. Гордая линия носа. Чуть припухшие, знакомые до одури губы. Вера. На этом холодном экране её лицо казалось абсолютным, недостижимым совершенством — без тени той изнуряющей усталости, цинизма и страха, которые навсегда исказили её черты в ночь расплаты. Это был идеальный, очищенный от тлена слепок. ИИ-Вера.

Цифровой фантом медленно распахнул глаза. Нарисованные, искусственные зрачки жестко сфокусировались на сыщике сквозь толстое выпуклое стекло. Из хрипящих, разошедшихся колонок по бокам пульта полился голос, от которого замерло дыхание:

— Ты все-таки пришел. Я знала, что ты найдешь дорогу, даже если сам Синдикат сотрет твоё имя со всех кремниевых носителей.

Сыщик сделал инстинктивный шаг вперед, пальцы судорожно дернулись, намереваясь коснуться родного лица, но замерли в дюйме от холодного, вибрирующего статического стекла.

— Что они сотворили с тобой? — выдохнул он глухо, чувствуя, как в горле встает горький ком.

— Меня больше нет, сыщик, — лицо на мониторе вдруг исказилось страшной, рваной цифровой гримасой, а картинка на мгновение распалась на полосы горизонтальных помех. — Это пустая оболочка. Эвристический энграмм. Моё подлинное «я» заперто в ледяном вычислительном кубе Центрального Архива, прямо под третьей высоткой. Я стала их цепной гончей. Они выкачали из моего мертвого мозга всю информацию о криминальном дне, чтобы алгоритмы просчитывали каждый шаг живых. Каждый день меня пропускают через мясорубку миллионов симуляций допросов. Я умираю снова и снова. Я чувствую липкий мазут в легких каждую секунду земного времени. По кругу. Без конца.

Анна резко остановила пальцы, откинулась на спинку скрипучего кресла и с горькой, тяжелой насмешкой посмотрела на застывшего сыщика. Она машинально поскребла ногтем багровые рубцы на шее.

— Она говорит чистую правду, — тихо произнесла хакерша. — Синдикат не отпускает свою добычу даже в могилу. Это и есть настоящий Цифровой Погост. Они заставляют мертвый код пахать на корпорацию до тех пор, пока распадаются атомы кремния.

Лицо Веры на экране приблизилось вплотную, зернистые пиксели рассыпались крупной геометрией.

— Убей меня, сыщик, — шепнули динамики, и в этом звуке послышался звон бьющегося стекла. — Проломись в Центральный Архив. Сожги дотла эти проклятые стойки. Нам обоим давно пора на покой.

Экран захлебнулся чернотой и погас. В наступившей звенящей тишине подземного склепа отчетливо слышалось лишь тяжелое, сбитое дыхание двух живых людей и монотонный, безучастный гул мертвых, голодных машин.

Акт II. Анатомия Симулякра

Глава 4. Похитители памяти

Дорога к подпольной лаборатории пролегла через забытые Богом и людьми кишки недостроенной кольцевой ветки метро. Здесь, на мертвой глубине, чугунные тубинги сводов давным-давно покрылись толстой, зловонной коркой ржавчины, а в сухих нишах, где некогда должны были лежать кабели связи, теперь зловеще вились нелегальные жгуты пиратских сетей. Анна шла впереди уверенной поступью хищника, выхватывая из абсолютной тьмы тусклым, дрожащим лучом фонаря крупные капли конденсата, с тяжелым стуком срывающиеся на бетон. Сыщик безмолвно ступал следом, судорожно прижимая локоть к внутреннему карману промокшего пальто, где лежал мертвый, ледяной кусок пластика — замолкший телефон Веры. Тупой, сверлящий мозг вопрос о том, как именно Синдикат умудрился вырвать из небытия человеческую личность, не оставлял его ни на секунду.

— Не пытайся мерить их цинизм мерками своего прошлого века, — бросила Анна через плечо, даже не замедляя шага, словно читая открытую книгу его мыслей. — Наш Синдикат давно перерос банальный рэкет, торговлю белым порошком и прочий мусор. Их главный актив теперь — чистая человеческая идентичность. Товар, который не гниет.

Она резко остановилась перед тяжелой герметичной дверью, чью некогда белую эмаль изъедали ржавые подтеки, а по центру крался нарисованный баллончиком уродливый знак перечеркнутого человеческого мозга. Из-за стыков швов просачивался удушливый, липкий и тошнотворно-сладковатый смрад паленой органики, смешанный с дешевым техническим спиртом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.